

© 2023 г.

Р.Н. АБРАМОВ

РОССИЙСКАЯ ФАНТАСТИКА В ЖАНРЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

АБРАМОВ Роман Николаевич – доктор социологических наук, профессор департамента социологии НИУ «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции того же университета, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (roman_na@mail.ru).

Аннотация. Рассматриваются социологические аспекты изучения популярного в последние десятилетия жанра массовой фантастической литературы, альтернативной истории, как проекции массового сознания россиян. Жанр альтернативной истории – важный социокультурный феномен российского общества, который отражает различные типы утопического сознания, криптоисторического мышления и субъективизации восприятия прошлого в ностальгической перспективе. Предложены теоретические рамки анализа данного поджанра как объекта теоретического социологического рассмотрения в контексте теории утопии, социологии массового сознания и моральных оснований социального действия. Показано, что феномен фантастики в анализируемом жанре служит реализации ухронического ressentiment, включая читателей в самостоятельное идеологическое пространство ностальгии и конспирологических теорий, анестезируя исторические травмы прошлого, связанные с крахом СССР. Анализ построен на основе интервью с авторами произведений в данном жанре, отзывов читателей на тематических онлайн-платформах, дискурс-анализа содержания жанровых произведений, а также включенных наблюдений самого автора.

Ключевые слова: альтернативная история • социология литературы • ressentiment • социология массового сознания • ухрония • ностальгия

DOI: 10.31857/S013216250024079-9

Массовая литература – не только объект литературоведческого анализа, но и социологический феномен, проявляющий общественные настроения, моральные дилеммы, идеологические противоречия и дух времени [Гудков, Дубин, 1994]. Фантастика в жанре альтернативной истории (АИ) наиболее обозначает себя в этом качестве – она предлагает различные сценарии прошлого, переигрывает уже произошедшие события и социальные ситуации, пересматривает биографические траектории и позволяет переосмысливать нормативные основания социального действия акторов. Она является субъективизированным переосмыслением настоящего через возможные сценарии прошлого и интересна также тем, что авторы, пишущие в этом жанре, нередко руководствуются (осознанно или неосознанно) структурами анализа, применяемыми в исторической науке и социальных науках [Hellekson, 2000: 25–26]. Основные задачи этой статьи заключаются в социологическом анализе места этого жанра в современных способах мышления о прошлом

и отражении в нём актуальных дискуссий и позиций относительно понимания истории, настоящего и будущего страны.

Становление литературного жанра альтернативной истории в контексте социального развития России. Художественный жанр АИ имеет относительно длительный путь развития, включает различные поджанры и их комбинации. Поджанр «классической» альтернативной истории описывает развитие обществ, стран и цивилизаций, которое пошло по сценариям, отличающимся от исторической реальности. Другой поджанр описывает путешественников во времени (в России среди любителей фантастики этот поджанр называют «попаданческим»), оказывающихся в прошлом и воздействующих на ход истории, используя имеющиеся в их распоряжении технические и другие знания, отличный от аборигенного социальный и культурный опыт.

Не углубляясь в хронологию развития жанра АИ, стоит упомянуть наиболее известные примеры произведений, влияние которых вышло за пределы литературного поля, став частью социального и культурного бэкграунда. Из классических книг вспоминается роман М. Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889), а также вышедший на русском языке только в 1992 г. роман Л.С. де Кампа «Да не опустится тьма» (1939), которые заложили основы фантастики о путешествиях в прошлое. Во второй половине XX в. на Западе опубликованы канонические романы в жанре АИ, где показывается мир в ситуации, когда победителями во Второй мировой войне стали не «союзники», а «страны Оси»: это – политический детектив-триллер Р. Харриса «Фатерланд» (1992) и более сложный, связанный с темой социальной памяти и ностальгии роман Ф. Дика «Человек в высоком замке» (1962). Популярность литературных экспериментов с иным исходом Второй мировой войны выросла, когда мир смог вернуться к рефлексии о причинах и последствиях этого мирового конфликта – в контексте новых многовариантных геополитических вызовов, подобных Карибскому кризису.

Самым известным произведением советской литературы в близком жанре фантастики стала культовая повесть А. и Б. Стругацких «Трудно быть богом» (1964), которая не является чистым образцом жанра о путешествиях во времени, поскольку ее действия разворачиваются не в прошлом, а на другой планете. Но она отвечает рамочным принципам сюжетов АИ: главный герой из (коммунистического) высокотехнологичного благополучного будущего перемещается в обобщенное «темное» средневековье с целью если не обеспечения прогресса, то поддержания этого общества от скатывания в кровавый «тоталитаризм». Братья Стругацкие были социальными фантастами, ставили и обсуждали темы политических, общественных, экономических и культурных вызовов, возникавших перед советской и другими социетальными системами XX в. Недаром «Трудно быть богом» и другие произведения этих фантастов вошли в культурный код позднесоветской интеллигенции [Хауэлл, 2021], оказав сильное влияние на всю отечественную фантастику.

Были и другие произведения позднесоветского времени, близкие к жанру альтернативной истории. Можно вспомнить известного ленинградского писателя-фантаста С. Гансовского, у которого в рассказе «Демон истории» (1968) ставится проблема объективности исторического процесса, который вряд ли возможно изменить усилиями отдельного человека. В начале 1990-х гг., уже после распада СССР, Кир Булычев начинает работу над циклом «Река Хронос» о путешествиях главных героев между разными моментами и потоками времени в период от событий 1915–1917 гг. до конца XX в. Тогда эти «попаданческие» романы знаменитого фантаста были заслонены более популярным циклом об Алисе Селезнёвой, но в середине 2000-х гг., уже после смерти автора, снова стали восприниматься как исток российской фантастики в жанре АИ.

В перестройку жанр АИ на фоне взрывного (но скоротечного) интереса к литературе, освобожденной от цензурных оков, оставался на периферии. Хотя среди ранее запрещенных к изданию в СССР книг был и «Остров Крым» В. Аксенова (1979 г., первое издание в СССР – 1990 г.), но он терялся на фоне других фантастических произведений («Москва 2042» В. Войновича, «Невозвращенец» А. Кабакова) о предчувствии гражданской

войны и распада страны. Гораздо сильнее на общественное сознание повлиял знаковый для романтического периода перестройки фильм «Зеркало для героя» (1987), снятый по малоизвестной одноименной повести С. Рыбаса (1983) и показывающий встречу двух современников из 1980-х гг. с послевоенным сталинским прошлым. Фильм ставил проблему мировоззренческого конфликта отцов и детей в контексте исторической травмы и «трудного прошлого» как аффекта – особой эмоции [Завадский и др., 2019] переживания встречи с прошлым и проживания его не только как ушедшего нарратива, но и как элемента собственной «самости», подчас вытесненной из актуального поля рефлексии. Названные произведения в период перестройки вышли за пределы литературного поля и составили публицистический дискурс и даже сценарное проигрывание возможного исхода глубоких изменений: они в художественной форме отражали, выражали и отчасти формировали общественные настроения того времени.

Как только историческая эпоха сменилась, многие из упомянутых позднесоветских книг и фильмов снова стали интересовать лишь ограниченный круг читателей и зрителей. Однако на рубеже 2000–2010-х гг. альтернативная история, прежде всего в ее «попаданческом» поджанре, пережила ренессанс, о чем пойдет речь дальше.

Методологическая рефлексия. Г. Розенфельд констатировал, что альтернативная история погружена в настоящее и связана с политическими, культурными и идеологическими вызовами настоящего. Она исследует прошлое не столько ради него самого, сколько для инструментальных целей расширения реинтерпретаций современного мира через обозначение «точек расхождения», когда настоящее могло быть иным, если бы в прошлом что-то случилось, а что-то, наоборот, не произошло. Как отмечает З. Пауэлл, альтернативная история обеспечивает акторов стратегией сравнения, позволяет читателям/зрителям учитывать различия между историческими фактами и вымыслом, сравнивая их с текущим моментом – применяя своё вовлечение в этот жанр для использования прошлого как индикатора настоящего. Использование истории в настоящем начинается с этически обоснованного выбора в отношении организации исторических фактов [Powell, 2018]. Когда создатели альтернативной истории размышляют, как могло быть иначе в прошлом, они неизменно выражают свои собственные субъективные надежды и страхи относительно настоящего и будущего. Поэтому альтернативная история становится формой моральной и исторической «нормализации» ужасного прошлого, как это происходит, например, в отношении Третьего рейха в популярной культуре, по мнению Г. Розенфельда [Rosenfeld, 2005: 15–16]. В постмодернистской перспективе прочтения произведений альтернативной истории говорится о ее ухронической природе, которая предполагает «онтологический плюрализм» и представляет собой форму «историографической метапрозы», прочтение которых в терминах мифологии Р. Барта становится формой реализации метаязыка [Thiess, 2015: 11].

Жанр массовой фантастической литературы, включая АИ, насыщен различными конспирологическими интерпретациями прошлого и «теориями заговоров» [Болтански, 2016], имеющими хождение как часть «народной» политической и исторической культуры, а в некоторых становящимися идеологическим элементом социальной мобилизации, вызывающим эффекты массового «заражения». Как считает М. Ларуэль, в исторической конспирологии люди обнаруживают форму символической компенсации потери своих ценностей, статуса и мировоззрения, а также обнадеживающие объяснения индивидуальной и коллективной драме в «объективированной» форме [Laruelle, 2012]. Включаясь в контекст альтернативной истории, читатели совершают перформативный акт, воспроизводя преобладающие идеологические идеи.

Важность социологического изучения жанра альтернативной истории связана не только с обозначившимся в ней моральным беспокойством относительно прошлого, но и с высокой погруженностью авторов книг по АИ и ядра их читательской аудитории в плотную систему коммуникаций. В рамках фэндома отношения авторов и читателей очень тесны, но круг любителей АИ выделяется даже на этом фоне: многие произведения фактически

пишутся «совместно» с внимательными читателями, исправляющими исторические анахронизмы и «помогающими» авторам придерживаться определенной идеологической линии. Площадкой такой коммуникации служит онлайн-платформа «Самиздат» (www.samlib.ru) с развитой системой интерактивной обратной связи. Многие авторы литературы в жанре АИ обсуждают там замыслы своих книг, выкладывают на суд участников сообщества отдельные фрагменты и предлагают участникам влиять на сюжетные ходы своих произведений. Эта литература является важным социологическим феноменом не только в силу роста популярности жанровых книг, но и с точки зрения организации литературного процесса.

«Попаданческая» фантастика может пониматься как идеологическое и утопическое бессознательное, облаченное в литературные формы и артикулирующее аффективные исторические травмы общества. Проблематизация травматизированного прошлого находит своё отражение и в социологических дискуссиях. Уместно вспомнить круглые столы, организованные СоцИсом, – «Неостывающая память» о работе социальной памяти с событиями периода ВОВ [Жаворонков, Левашов и др., 2020] или «Россия: из прошлого в будущее» об исторических инвариациях предреволюционной модернизации страны [Нефедов, Розов и др., 2022]. Таким образом, необходимость сценарного осмысления прошлого в социологическом ключе остается востребованной.

Судить о популярности жанра в показателях книжных тиражей непросто – бумажные книги уже не являются единственной жизненной формой литературного произведения, особенно в массовой культуре. Вместе с бумажными книгами выходят сетевые публикации (на том же портале Samlib), официальные книжные интернет-маркетплейсы (LitRes, Labirint) продают цифровые аудиоверсии книг, есть множество официальных и пиратских библиотек цифровых версий, на которых подобная литература активно представлена. То, что крупные книжные издательства имеют в своем портфеле циклы романов, близких к изучаемому жанру, а практически все библиотеки аудиокниг содержат рубрики «попаданцы» и «альтернативная история», наполненные десятками произведений, свидетельствует о наличии в современной России массовой и стабильной потребительской аудитории этой литературы.

Эта статья не является строго эмпирическим исследованием, скорее она проблематизирует место современной массовой литературы в качестве объекта социологического исследования и обозначает реперные точки возможных направлений исследований. В основе авторских наблюдений лежат не только обобщения публикаций, связанных с социологическим осмыслением жанра альтернативной истории, но и эмпирические источники. Во-первых, автор статьи на протяжении многих лет в режиме наблюдателя-нетнографа следит в Рунете за ситуацией с жанром АИ, фокусируясь на «попаданческих» романах о позднесоветском периоде (полезным навигатором по жанру является любительская «Полная энциклопедия попаданцев в прошлое», созданная А. Вязовским на онлайн-платформе Samlib). Во-вторых, автором вместе со студентами департамента социологии НИУ ВШЭ в 2021 г. проведена серия из 10-ти интервью с авторами фантастики в жанре альтернативной истории¹.

Отечественная сцена фантастики в жанре АИ и «попаданчества»: век XXI. Наша фантастика в жанре альтернативной истории высокую популярность обрела примерно в 2006–2008 гг., потеснив ранее преобладавшую фэнтези². Признаком роста популярности жанра стало, например, появление премии имени Тита Ливия³, учрежденной в 2005 г. Форумом альтернативной фантастики (ФАИ), правда, просуществовавшей только до 2009 г.

¹ Автор благодарит студентов департамента социологии НИУ ВШЭ М. Жданкину, В. Колесникову и Н. Рязанцеву за предоставленные материалы интервью, собранные в ходе выполнения курсовой работы под научным руководством автора статьи.

² Виноградов П. Марш «попаданцев», или Ностальгия по альтернативе // Литературная газета. 2016. URL: <http://www.lgz.ru/article/15731> (дата обращения: 11.12.2022).

³ Поскольку у этого античного историка впервые встречаются рассуждения «что было бы, если...», его считают одним из основоположников АИ как метода осмысления исторических событий.

На ренессанс жанра, помимо классических произведений Стругацких и других образцов российской и зарубежной фантастики, по мнению самих авторов романов про АИ, повлияли два произведения – цикл В. Звягинцева «Одиссей покидает Итаку» (его начальный роман опубликован в 1988 г.) и роман С. Буркатовского «Главная дата» или «Вчера будет война» (2008). Также иногда называется цикл Кира Булычева «Река Хронос». Цикл В. Звягинцева находится на пересечении жанров политического детектива, криптоистории, научной фантастики, ностальгических воспоминаний и имеет запутанный сюжет, который к тому же становится всё менее ясным от книги к книге. В первой паре романов цикла есть признаки позднейшей версии этого жанра в России: ностальгическое путешествие героя в период своей юности (в середину 1960-х гг.) или в начало Великой Отечественной войны с целью выхода на руководство страны и изменения хода войны в пользу СССР, есть и элементы конспирологии – инопланетяне, негативно влияющие на развитие страны. Роман С. Буркатовского стал моделью «типового» попаданческого произведения: главный герой из нашего времени попадает в СССР перед началом Отечественной и, преодолевая неудобства и опасности, пробивается на самый верх к И. Сталину и, конечно же, Л. Берия, чтобы предупредить их о грядущей войне и поделиться другими «послезнаниями», изменив, таким образом, ход истории и дав возможность руководству страны реализовать «упущенные шансы» первого периода войны. К написанию этого романа автора побудило онлайн-сообщество «военно-исторического форума VIF2NE», где собирались любители истории того периода.

Примерно с 2010–2011 гг. стали активно выходить отдельные книги и целые серии, в сюжетах которых обыгрывалось путешествие нашего современника в советское и до-советское прошлое с целью использования знаний о будущем для исправления ошибок российской/советской истории и обращения ее хода в русло, идеологически импонирующее автору книги. Ведущие издательства запустили историко-фантастические книжные серии, основную часть которых составляли произведения именно в жанре АИ (чаще всего – «про попаданцев»): в издательстве «Эксмо» – «В вихре времен» (основана в 2010 г., более 110 романов), «Военно-историческая фантастика» (с 2008 г., более 220 книг) и «Героическая фантастика» (с 2015 г., около 80 романов), в издательстве «Альфа-книга» – «Фантастическая история» (с 2010 г., около 160 романов) и др.⁴ Длительное существование этих книжных серий с обширным числом опубликованных книг (каждый – тиражом не менее 1 тыс. экземпляров) является свидетельством популярности этого жанра литературы.

Посредством усилий главного героя таких «попаданческих» романов стране предлагалось воспользоваться «упущенными историческими шансами», чаще всего для того, чтобы Россия как империя (советская или досоветская, возможно даже времен Древней Руси) не только возродилась, но и стала гегемоном регионального или глобального масштаба [Laruelle, 2012]. Авторы экспериментируют, так что произведения АИ часто включают элементы политического детектива, авантюрного и шпионского романа, конспирологических спекуляций, личных ностальгических мемуаров о детстве и юности, мистики, военного боевика, любовного романа, фэнтези и прочих привлекательных для читателей жанров.

Кто же является «типичным» читателем подобных произведений? Надежные социологические данные по этой теме отсутствуют, но в ходе нашего исследования авторы данного жанра фантастики, регулярно в рамках фэндомов общающиеся с читателями, предложили собственные описания того, кто читает (слушает) эти книги и в каких обстоятельствах. В интервью на вопрос о «типичном» читателе авторы отзывались обычно примерно так: «это – литература охранников автостоянок и торговых центров», «средние года, отслуживший в армии, на обычной работе, не богач и не бедняк». Чаще всего этот жанр обозначается как «литература проигравших» [Данилова, 2014] или «литература-компенсация» (такое определение дал один из опрошенных авторов-фантастов). Она интересует

⁴ Информация приведена по данным сервера «Лаборатория фантастики» (<https://fantlab.ru>), посвященного фантастической литературе, на январь 2023 г.

в основном тех, кто не совсем органично вписался в «современный капитализм», а если и оказался успешен с точки зрения доходов и качества жизни, всё равно испытывает дефицит причастности к чему-то общему и великому, полагая, что миссия СССР или Российской империи обладала необходимым содержанием великого смысла существования.

В большинстве романов этого жанра действуют мужчины (редкий пример, когда героем АИ является женщина, – роман С. Арсеньева «Студентка, комсомолка, спортсменка», хотя и здесь это попаданец-мужчина в женском теле), что предопределяет основную аудиторию жанра как мужскую. Косвенно об этом свидетельствуют и обложки книг, на которых преобладают изображения мужчин в военной форме, в боевых стойках, с оружием в руках на фоне боя или военной техники. По мнению опрошенных авторов, его основными потребителями являются мужчины, имеющие образование скорее среднее и среднее специальное, возможно, прошедшие армию или работавшие в правоохранительных органах на невысоких должностях, имеющие довольно консервативные взгляды на политику, историю и семейные отношения. Видимо, ядро читательской аудитории серийных попаданческих романов с акцентом на военно-патриотическое содержание составляет та аудитория, которая была в ядре сторонников В. Жириновского.

Впрочем, даже такую целевую читательскую аудиторию отталкивает сюжетный схематизм, примитивность стиля и упрощенный идеологический посыл многих современных романов в жанре АИ. Например, мнения читателей-рецензентов о популярном цикле «попаданческих» романов В. Конюшевского «Иного не дано» (2009–2011 гг., об альтернативной истории ВОВ) резко разделились. Многие укоряют автора за плохой язык, исторические анахронизмы и ошибки, неуместную в развлекательной литературе излишнюю политическую прямолинейность: *«нахватал исторических вершков, но применение их на практике вышло ужасным»*, *«полный набор штампов и идеологических клише»*, *«впечатление дешёвого попсового боевика с плохим режиссёром»* – такие отзывы можно найти на основном российском фэн-сервере «Лаборатория фантастики». С другой стороны, *«легкость»* чтения и *«жизнеутверждающая»* атмосфера романов привлекает читателей, оставивших положительные отзывы о работах В. Конюшевского.

Сегодня российские фантасты, пишущие в жанре АИ (прежде всего, «про попаданцев»), представлены десятками, а возможно, и сотнями имен. Среди них есть как признанные писатели (см., например, «Возвращение “Пионера”» (2022) Ш. Идиатуллина), так и авторы-любители, чьи произведения с трудом претендуют на литературность. Между крайностями – огромное число коммерческих авторов, пишущих бесконечные циклы похожих по сюжету и героям романов, а также тех, кто хочет в художественной форме донести до читательской аудитории свои политические взгляды. Растущая индустрия аудиокниг способствует распространению этой литературы не только на официальных онлайн-платформах (например, в «ЛитРес» (<https://www.litres.ru>)), но и на множестве пиратских и неформальных ресурсов, где эти книги можно бесплатно слушать, не скачивая на смартфоны или компьютеры.

Социокультурные функции жанра. Жанр АИ в России имеет несколько специфических функций, связанных с травматической субъектностью постсоветского сознания. Заметная часть новой волны данного жанра включена в личную субъективно-биографическую ностальгию по позднесоветскому времени или эксплуатирует общественный ностальгический запрос, относящийся к периодам оттепели (1960-е) и застоя (1970-е).

Ностальгический импульс реализуется по сценариям бесконечного сравнения ущербного настоящего с лучшими образцами и практиками позднесоветского прошлого, где товарный дефицит и даже жизнь преступного мира окрашены в привлекательные тона навсегда ушедшего «теплого лампового мира». Бытийный и институциональный миры советского прошлого описываются одновременно и как туземные (экзотичные в силу исходной темпоральной удаленности), и как «обжитое», близкое, укорененное в личные детские воспоминания и позитивную мифологию прошлого (см., например, «Фатальное колесо» С. Сиголаева или «Случайный билет в детство» В. Стрелкова). Нередко герой, попавший в своё детство или юность 1960–1980-х гг., сравнивает уютный мир советского

«далёка» с «чужой» современностью, чья быстротечность, индивидуализм и цинизм вместе с шоком технологических инноваций вызывают тревогу и состояние экзистенциальной брошенности. Проявляются романтизированные репрезентации прошлого, основанные не только на фрагментарных картинках собственного детства, но и вдохновленные кинематографом, чей «формальный аппарат приучил нас потреблять прошлое в форме глянцевого изображения» [Джеймисон, 2019: 566]. Восторг создателей/читателей АИ перед артефактами советского мира похож на диалоги в онлайн-сообществах, посвященных ностальгии по советскому прошлому. Многие из романов вписываются в концепцию ухронии Е. Шацкого [1990], предполагающую воображаемое возвращение в прошлое из неудобного, «испорченного» настоящего – социальный и культурный эскапизм.

Яркими примерами «ностальгической» разновидности «попаданчества» могут служить романы и циклы В. Большакова «Целитель. Спасти СССР», М. Королюка «Квинт Лициний», А. Величко «Эмиссары. Фагоцит» и другие, где разочарованный в постсоветском настоящем главный герой попадает во время, близкое к собственному детству и отрочеству. Наслаждаясь жизнью в «спокойном СССР», он прикладывает усилия по изменению истории таким образом, чтобы Советский Союз не распался, проиграв холодную войну. Авторы, пишущие в этом жанре, рассматривают его как своего рода перформативный исторический эксперимент и «работу над ошибками» – перезапуск истории при тех же исходных условиях, но по другому сценарию на основе «послезнания». Как выразился один из авторов-фантастов, «это – работа над ошибками. Если ты не поймёшь, почему у нас в прошлом случилось неблагоприятное развитие событий, то ты не сможешь извлечь опыт». Другой автор даже использует для обоснования этой позиции концепты синергетики: «При серьёзной работе над попаданческой литературой [главное] – это ощущение точек бифуркации. То есть могло ли быть иначе? Что надо было сделать тогда, обладая той полнотой информации, которой мы обладаем? Насколько эту ситуацию можно было переиграть?».

Современная волна фантастики в жанре АИ является болезненной реакцией большей части российского общества на исторические разломы, связанные с распадом СССР. В развитие теории идеологии К. Мангейма это можно интерпретировать как травмированную структуру сознания, относящуюся к своеобразию утопического мышления социального знания эпохи или определенной группы [Мангейм, 1994: 57]. Речь идет о «поколении общей судьбы» – о тех, кто пережил деградацию советской системы и переломы 1990-х гг. и в той или иной форме прошел через исторический нокаут. Это люди, чья «направленность внутреннего потока жизни», по известному выражению Г. Зиммеля, если и не предопределила общее мировоззрение, то оставила «борозду» в биографии, связанную с восприятием прошлого, и эта «борозда» дает о себе знать каждый раз при мысленном возвращении в прошлое. Социологическое теоретизирование судьбы В. Беньямина также увязывал с моральным понятием вины [Беньямин, 2021: 9]; в случае фантастики в жанре АИ это – подсознательная вина в фатальном историческом проигрыше, которое потерпела советская система. Один из авторов-фантастов сформулировал это так: «Мне было интересно изучить причины распада СССР. Я был воспитан в СССР, я остаюсь во многом советским гражданином. И мне очень больно осознавать, что моя страна распалась. И мне много лет было больно возвращаться к этой теме, лишь потом, когда немножко эта боль от распада ушла, я всё-таки нашёл в себе силы вернуться».

Функциональность «работы над ошибками» и восстанавливающей психотерапии для авторов и читательской аудитории этого жанра массовой литературы сочетается с поиском виновных (помимо самих себя) в случившихся на территории бывшего СССР масштабных геополитических разломах. На помощь приходят конспирологические теории и теории заговоров, многие из которых составляют неотъемлемую и важную часть сюжетных линий романов этого жанра. Вслед за М. Ларуэль можно отметить, что обвал государства, его идеологии и границ вместе с резкими культурными и социальными скачками 1990-х гг. стимулировали сгущение атмосферы подозрительности и нередко вызывали желание узнать, «кто дергает за ниточки» управления «мировым порядком» [Laruelle, 2012].

Криптоисторические мотивы о невидимом влиянии инопланетян, цивилизаций из параллельных миров, людей из будущего или тайных союзов (подобных Бильдербергскому клубу) на мировую геополитику с негативными (чаще всего) последствиями для России присутствуют в большинстве российских романов в жанре АИ. Да и сами «попаданцы» из настоящего в прошлое часто наделяются самыми разнообразными сверхспособностями, помогающими им самим стать тайными вершителями судеб страны и мира.

Очень логично изложил понимание социальных причин «взрыва» популярности АИ один из опрошенных авторов-фантастов: *«Человек, который немножко помнит, что происходило в 1990-е, и который увяжет это с датами первых книжек, прекрасно поймет, почему жанр стал востребован. Народ был настолько в тяжелом состоянии, настолько не удовлетворён жизнью, начиная с распада СССР и кончая где-то, наверное, 2010-ми годами, поэтому жанр не просто выстрелил, а шарахнул атомной бомбой, потому что народу хотелось хотя бы в книге узнать “а как бы могло быть, если бы...”. Если бы и итоги войны были бы другими, и передел мира был другой, и, тем более, если бы не развалился Советский Союз».*

Среди альтернативно-исторических произведений есть и романы скорее развлекательного толка, где главный герой мало озабочен спасением чего-либо. В цикле Г. Марченко «Перезагрузка или Back in the USSR» (2017 г.) главный герой попадает в 1975 г. вместе с запасом текстов позднесоветских шлягеров и беллетристики, и только став там известным и богатым поэтом-песенником и писателем, он начинает задумываться о спасении СССР. Герой же цикла Н. Дронты «В ту же реку» (2018), попав на Камчатку 1972 года, вообще быстро включается в систему незаконного оборота икры и золота, занимаясь в первую очередь личным обогащением, а не большой политикой.

В бэкграунде основного корпуса этой литературы лежит рессентимент как следствие постколониальной и постимперской травмы, фантомной боли за утраченные территории, техническую мощь и ценности, а также другие симптомы, составляющие анамнез болезненного постсоветского сознания. В названиях десятков романов и циклов АИ обыгрываются примерно одни и те же мотивы гибели и спасения империи. Начиная от эпохи князя Владимира Крестителя и до августа 1991 г. герои-попаданцы сначала обеспечивают себе необходимый экономический и социально-политический статус и власть для оказания влияния на ход истории, а затем начинают действовать, участвуя в дворцовых интригах и революциях, становясь главнокомандующими, князьями, царями или неформальными консье́ры при царственных особах и членах Политбюро компартии. Некоторые попадают в собственное детское или юношеское тело и в силу ограниченных возможностей прямого участия во власти начинают скрытно взаимодействовать со спецслужбами, направляя им анонимные сообщения или вступая в контакт с их представителями. Специальные службы вообще активно интегрированы в ядро сюжетных линий большинства романов в жанре АИ, особенно тех, чье действие разворачивается в XX в.: с ними «попаданцы» вступают в контакт или становятся их сотрудниками, так что общим местом является отведение системообразующей роли в истории страны либо самим секретным службам, либо прогрессивной части их сотрудников.

Современная волна российской фантастики в жанре альтернативной истории – это не только массовая развлекательная литература и упражнения авторов-любителей, но и аккумулятор и выразитель общественных чаяний, страхов и настроений, которые до недавнего времени находились в определенных нишах общественного сознания, хотя сейчас становятся всё более значимыми в медийной и общественной повестке.

Заключение. Эта статья пишется в «поломанное» время, когда многие из казавшихся незыблемыми правил мироустройства оказались отменены, забыты и выброшены на свалку истории. Российское общество в очередной раз находится в стрессовом состоянии, так что опросные методы изучения настроений различных групп имеют ограниченную объяснительную силу – настроения меняются быстро и непредсказуемо вместе с турбулентной новостной повесткой. В экспертных сообществах и в медиа идёт дискуссия о способности имеющих в распоряжении социологии методов понять и объяснить

изменения общественных настроений различных слоев российского общества в ситуации повышенной тревожности. Опросы и результаты качественных исследований дают картину происходящего в обществе в моменте, но в меньшей степени говорят о более глубоких, долговременных и требующих дополнительного изучения общественных настроениях и идеологических и культурных паттернах мышления. Тут могут помочь другие подходы и объекты для изучения, одним из которых является жанр АИ.

Этот популярный жанр чаще всего находится ниже ватерлинии внимания серьезных литературоведческих исследований, а социологи вообще относительно редко обращаются к литературе как источнику данных. При этом коммерческая, массовая, развлекательная, даже любительская литература, возможно, ближе к массовым умонастроениям, чем более заметные образцы большой литературы. Многочисленные криминальные и любовные сериалы 1990-х, подобные «Улицам разбитых фонарей», могут рассматриваться и в социологическом контексте как отражение духа времени, чаяний и страхов массового сознания. Задача социологов сегодня – найти дополнительные источники знания и понимания происходящего с российским обществом, понять идеологические, мифологические и ценностные корни аффективной поверхности массового сознания. Поэтому обращение к социологии массовых произведений литературы и кинематографа может оказаться продуктивным.

Фантастика в жанре АИ стала частью травматического аффекта, объединяя личную субъективно-биографическую память с откликом на общественный запрос относительно «светлого прошлого». Это формирует пространство ухронического рессентимента, предполагающего воображаемый реванш проигравших и «теории упущенного шанса» [Абрамов, 2017]. Литературные игры жанра АИ относятся на самом деле не к прошлому, а к настоящему. Они являются зеркалом общественного сознания, идеологическим калейдоскопом прошлого, призванного укрепить «российскую культурно-историческую легитимность» [Borenstein, 2019: 26]. Участники литературной игры в альтернативную историю производят субъективную и аффективную колонизацию исторического процесса, разыгрывая сценарии несостоявшегося настоящего и будущего, проявляя травмы прошлого и тем самым вольно или невольно отсылая к актуальности настоящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н. Советские технократические мифологии как форма «теории упущенного шанса»: на примере истории кибернетики в СССР // *Социология науки и технологий*. 2017. № 2. С. 61–78.
- Беньямин В. Судьба и характер. СПб.: Азбука, 2021.
- Болтански Л. Тайны и заговоры. По следам расследований. СПб.: ЕУ, 2016.
- Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994.
- Данилова Е.Н. Дискурс выигравших и проигравших в российских трансформациях // *Социологические исследования*. 2014. № 5. С. 16–26.
- Джеймисон Ф. Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М.: Институт Гайдара, 2019.
- Жаворонков А.В., Левашов В.К., Образцов И.В., Ростовцева Л.И., Романовский Н.В., Трофимова И.Н., Черныш М.Ф., Демиденко С.Ю. Неостывающая память (круглый стол) // *Социологические исследования*. 2020. № 5. С. 3–17.
- Завадский А., Склез В., Суверина К. Предисловие. Разум и чувства: публичная история в музее // *Политика аффекта: музей как пространство публичной истории*. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 7–51.
- Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. М.: Юрист, 1994. С. 52–147.
- Нефедов С.А., Розов Н.С., Трубицын Д.В., Романовский Н.В. Россия: из прошлого в будущее (круглый стол по книге Б.Н. Миронова) // *Социологические исследования*. 2022. № 3. С. 24–39.
- Хауэлл И. Апокалиптический реализм. Научная фантастика Аркадия и Бориса Стругацких. СПб.: БиблиоРоссика, 2021.
- Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990.
- Borenstein E. *Plots against Russia. Conspiracy and Fantasy after Socialism*. London: Cornell University Press, 2019.

- Hellekson K. *The Alternate History: Refiguring Historical Time*. Kent: The Kent State University Press, 2000.
- Laruelle M. *Conspiracy and Alternate History in Russia: A Nationalist Equation for Success?* // *The Russian Review*. 2012. Vol. 71. No. 4. P. 565–580.
- Powell Z.M. *The Ethics of Alternate History. Melodrama and Political Engagement in Amazon's The Man in the High Castle* // *South Atlantic Review*. 2018. Vol. 83. No. 3. P. 150–169.
- Rosenfeld G.D. *The World Hitler Never Made: Alternate History and the Memory of Nazism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Thiess D.J. *Relativism, Alternate History and the Forgetful Reader. Reading Science Fiction and Historiography*. London: Lexington Books, 2015.

Статья поступила: 28.12.22. Финальная версия: 25.01.23. Принята к публикации: 30.03.23

RUSSIAN SCIENCE FICTION IN THE GENRE OF ALTERNATIVE HISTORY AS A REFLECTION OF MASS CONSCIOUSNESS: SOCIOLOGICAL APPROACHES

ABRAMOV R.N.

National Research University Higher School of Economics, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

Roman N. ABRAMOV, Dr. Sci. (Sociol.), Professor Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Leading Research Fellow of the International Laboratory for Social Integration Research NRU HSE, Senior fellow Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow (rabramov@hse.ru).

Abstract. In Russia, fiction in the genre of alternative history has become popular over the past ten years. Book series of this kind are actively published and have a significant readership. This genre is part of ideological and utopian landscape of the Russian mass consciousness. It helps to understand imperial historical traumas, nostalgia for the Soviet past, and a high level of anxiety about the present and future. The theoretical part of the analysis is based on the G. Rosenfeld ideas about a close connection of this genre with the experience of the present and about ontological pluralization of the past. The article also includes M. Laruelle's thesis about the ideological function of this genre and its role in ideological mobilization. The concept of E. Shatsky's utopia as a chronic escapism is an important element in the analysis of this genre in Russia. Russian science fiction in the genre of alternative history mirrors ideological and utopian unconscious, which articulates affective historical traumas of society. Alternative history novels actively experiment with genres, and it contains elements of a political detective story, adventure and spy novel, conspiracy theories, personal nostalgic memoirs about childhood and adolescence, mysticism, military action movie, romance, crypto-fiction. Many authors perceive their novels as a historical experiment, and they are concerned with problematizing the causes of the collapse of the Soviet Union. The modern Russian wave of science fiction in the genre of alternative history is a more painful reaction of a part of society to the deep historical faults associated with the collapse of the USSR. The source of the analysis is the materials of interviews with the authors of works in the genre of alternative history, readers' reviews on thematic online platforms and the content of the works.

Keywords: resentment, mass consciousness, alternative history, ideology, nostalgia

REFERENCES

- Abramov R.N. (2017) Soviet Technocratic Mythologies as a Form of the "Missed Chance Theory": on the example of the history of cybernetics in the USSR. *Sociology of science and technology* [Sotsiologiya nauki i tekhnologii]. No. 2: 61–78. (In Russ.)
- Benjamin V. (2021) *Fate and character*. St. Petersburg: Azbuka. (In Russ.)
- Boltanski L. (2016) *Secrets and conspiracies. Following investigations*. St. Petersburg: EU. (In Russ.)
- Borenstein E. (2019) *Plots against Russia. Conspiracy and Fantasy after Socialism*. London: Cornell University Press.
- Danilova E.N. (2014) The discourse of winners and losers in Russian transformations. *Sociological Research* [Sotsiologicheskiye issledovaniya]. No. 5: 16–26. (In Russ.)
- Gudkov L., Dubin B. (1994) *Literature as a social institution*. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
- Howell I. (2021) *Apocalyptic realism. Science fiction by Arkady and Boris Strugatsky*. St. Petersburg: BiblioRossika. (In Russ.)
- Hellekson K. (2000) *The Alternate History: Refiguring Historical Time*. Kent: The Kent State University Press.

- Jameson F. (2019) *Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism*. Moscow: Gaidar Institute. (In Russ.)
- Laruelle M. (2012) Conspiracy and Alternate History in Russia: A Nationalist Equation for Success? *The Russian Review*. Vol. 71. No. 4: 565–580.
- Nefedov S.A., Rozov N.S., Trubitsyn D.V., Romanovsky N.V. (2022) Russia: from the past to the future (round table on the book by B.N. Mironov). *Sociological Research* [Sotsiologicheskiye issledovaniya]. No. 3: 24–39. (In Russ.)
- Powell Z.M. (2018) The Ethics of Alternate History. Melodrama and Political Engagement in Amazon's *The Man in the High Castle*. *South Atlantic Review*. No. 3 (83): 150–169.
- Rosenfeld G.D. (2005) *The World Hitler Never Made: Alternate History and the Memory of Nazism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shatsky E. *Utopia and tradition*. Moscow: Progress, 1990. (In Russ.)
- Thiess D.J. (2015) *Relativism, Alternate History, and the Forgetful Reader. Reading Science Fiction and Historiography*. London: Lexington Books.
- Zavadsky A., Sklez V., Suverina K. (2019) Preface. Reason and Feelings: Public History in the Museum. Politics of Affect. *Museum as a Space of Public History*. Moscow: New Literary Review: 7–51. (In Russ.)
- Zhavoronkov A.V., Levashov V.K., Obraztsov I.V., Rostovtseva L.I., Romanovsky N.V., Trofimova I.N., Chernysh M.F., Demidenko S.Yu. (2020) Non-cooling memory (round table). *Sociological research* [Sotsiologicheskiye issledovaniya]. No. 5: 3–17. (In Russ.)

Received: 28.12.22. Final version: 25.01.23. Accepted: 30.03.23.